

ЦЕЛЬ — СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Шестидесят лет назад — 4 апреля 1904 года в городе Скопине Рязанской области родился талантливый советский драматург Александр Николаевич Афиногенов. Его отец, выходец из крестьянской семьи — писатель Н. Степной. Мать — народная учительница. Оба принимали деятельное участие в революционном движении.

В 1913 году мать с сыном переезжают в Рязань. Александр поступает в гимназию. Воспитанный на революционных традициях, он еще подростком становится одним из организаторов «Коммунистического союза учащихся» в Рязани.

В 1918 году он снова в Скопине. Здесь же Афиногенов вступает в комсомол. Он самоотверженно отдается общественной деятельности — часто выступает на собраниях, ездит по селам и деревням, разъясняя крестьянам советские декреты.

Писать начал в ранней юности. Печата л стихи. Потом страстно увлекся театром.

ВЕСНА 1937 года. Переделкино, подмосковная дача литераторов. Все радует душу: и весенний простор, и воздух, и белые облака. В открытые окна кабинета Афиногенова льются запахи трав. «Удивительной чистотой и неугасимой юностью веет от хозяина, от деревенных стен, от стола, от книг»... — пишет критик Х. Херсонский, вспоминая свои впечатления той поры.

Но сам хозяин не замечает весны. В глубокой задумчивости ходит по кабинету и убеждает себя, что в его деле еще разберутся, еще поймут, кто эти люди, исключившие его из партии. Он садится за стол и пишет в дневник: «...если бы десятая доля опущенного на мою голову была правдой — мне надо было бы немедленно застрелиться. Но я-то ведь знаю... что под этой корой грязи и смрада есть мое живое тело, здоровое и невинное ни в чем. Это знают те, кто знал меня прежде и... кто совсем не знал. ...Я верю в величайшую мудрость и величайшую справедливость моей партии».

Александр Николаевич выносил боль этой кровотокающей раны как подобает большевику. «Меня поразило и заставило еще больше любить и уважать его то чувство душевной ясности... которое было в нем в эти трудные дни», — вспоминает писатель Борис Горбатов.

Но вот весна пришла и для Афиногенова. Правда, в холодный, вьюжный февральский день 1938 года. Он

пишет в дневнике: «...я восстановлен. Не прихожу в себя от счастья, поехал искать Джени (жена писателя Евгения Бернардовна — американская коммунистка, артистка), нашел ее в Метрополе, мы обнялись и не могли не расплакаться».

ПЕРЕДО мной — дневники Александра Николаевича. Они открывают его творческую лабораторию. Позволяют заглянуть в его внутренний мир — увидеть, в каких раздумьях рождался его пьесы, как формировался он сам.

Действительно! Началом своей писательской деятельности он считал 1928 год, когда была создана драма «Чудак». «Работа над «Чудаком» с МХТ-2 перевернула во мне все представления о сущности... драматического ремесла, — пишет он. — Прежние пролеткультовские вывихи стали ненавязчивы».

В этой драме Афиногенов обнаруживает яркий темперамент коммуниста-борца. Он страстно вторгается в жизнь, показывая ее новые, едва проявившиеся черты, ее конфликты.

В жизни коллектива маленькой заштатной фабрики отражены великие перемены того времени. Молодой счетовод Борис Волгин с подлинной душевной чистотой входит в новую, советскую жизнь. Он организует на фабрике кружок энтузиастов социалистического строительства, но ни делегата-директора, ни обюрократившаяся председательница фабкома его не поддерживают. И даже наоборот —

преследуют. Идеальный центр пьесы выражен в столкновении Бориса с его другом Игорем Горским. «Ты забыл, верно, кто мы такие? — говорит Игорь. — Мы канцелярские крысы, беспартийные интеллигенты... в чужой монастырь нечего соваться...» «Этот монастырь я вместе со всеми перестраиваю в небоскреб, — отвечает Борис... — Я имею право радоваться каждому новому этажу и ругать ленивых каменщиков».

Премьера «Чудака», первой пьесы о движении энтузиастов, прошла с триумфом. Старый Незлобинский театр дрожал от грома аплодисментов и криков восторга. «Потрясающий ден! День незабываемого сна... — писал автор. — Но успех — это тропинка в горах. Надо карабкаться, цепляясь за каждый выступ... небрежность, неряшливость — гибельны!» И упорный, стремительный Афиногенов очень много работает, взбираясь по крутой тропинке вверх.

Через год в Московском Художественном театре новая премьера — драма «Страх». Выхваченная из самой гущи жизни ученых, она показывает идеологическую борьбу в их среде. В страхе за свои вековые привилегии реакционеры от науки борются с «нашеством» ученых из народа. Им противопоставлены молодые талантливые создатели новых научных ценностей. Особенно тепло изображен бывший пастух аспирант казак Кимбаев, с его ликующей гордостью за свой народ, за всех, кому теперь открыты просторы духовного роста. Главный герой — профессор Бородин убеждается, что его авторитет рухнет под тяжестью заблуждений, если он, ученый, не найдет в себе силы полностью воспринять новую жизнь. И он находит эти силы с помощью Кимбаева.

Успех «Чудака» и «Страх» сделали Афиногенова известным драма-

тургом. А сам он, как это видно из его записей, среди общих восхвалений, с удивительным мужеством и беспощадностью критикует свои работы. Горячий и экспансивный, он доходит до крайности в переоценке созданного и как бы теряет свой творческий «запас». Он решает встряхнуться, поехать за границу.

Преодолея «душевную смуту» ему помог Горький, у которого он пробыл в Сорренто несколько дней. Перед молодым писателем во всем своем суровом обаянии предстал великий знаток человеческих душ: высокий, чуть горбленый, наблюдательный и мудрый. О литературе, чего больше всего боялся Афиногенов («у меня нет знаний, нет вкуса»), они почти не говорили. Горький много и прекрасно рассказывал о своих встречах с людьми. И каждый разговор не только обогащал, но как бы заново открывал, что это такое — быть писателем.

«Чудак» и «Страх» Горький знал прекрасно и отзывался о них хорошо: «В вас драматург настоящий сидит, вы вещи делать умеете...».

После встречи с Горьким заметно меняется тональность дневников. Появляются записи, как находить новые глубины видения, как работать, чтобы не погас огонь вдохновения.

Переписка Афиногенова с Горьким, которая завязалась в дальнейшем, показывает, с какой чуткостью относился великий писатель к Александру Николаевичу, как бережно, но решительно указывал он ему на промахи.

Однажды, прочитав Х. Херсонскому письмо Горького, критикующего пьесу «Далекое», драматург рассказал, как она выросла и возмужала после переработки, после замечаний Алексея Максимовича, выросла в другом «своем и непослушном направлении». «Я не умею писать языком Горького, хотя восторгаюсь им и без конца учусь, — сказал он и добавил с мягкой детской улыбкой: — Не умею и, может быть, чуточку не хочу... не хочу подделывать векслелю».

В «Далекое» Афиногенов на тысячах километров отделил от Москвы маленький разъезд, где трудятся его незаметные герои. Встреча путейцев — и пламенной юной Жени, и робкого, сдержанного Корюшки с ум-

ным и чутким командиром Малько помогает им еще яснее понять, как важно сочетание патристических чувств с повседневным выполнением трудового долга. И какой прекрасной романтикой окрашивается их скромная жизнь!

Пьесе «Далекое» Афиногенов придавал особое значение. Он видел в ней эстетическое знамя, под которым хотел идти дальше.

В 1936 году весь мир был потрясен событиями в Испании. Дневники драматурга показывают, что его чувства рвались наружу. За две недели он написал пьесу-эскиз «Салют, Испания!» Удивительно эмоционально описывает он ее премьеру: «...люди поднимаются с мест, приветствуя уходящий на фронт отряд. Кричат, машут руками. Самого подымает, уж пятый раз смотрю, и все-таки слезы, когда мать прощается с дочерью, гибнут дочери, мать гладит лицо мертвой дочери».

Театр нашел превосходное решение, все приближено к зрителю... Образы и слова жгут сердца людей. Выходишь потрясенный... кругом заплаканные лица, но радостные... Что это? Искусство или жизнь?..»

Из последних, наиболее удачных произведений Афиногенова следует назвать «Мать своих детей» (1939 год) и «Машеньку» (1940 год). Прообразом матери послужила горячо любимая драматургом его мать Антониды Васильевна, мудрая и добрая женщина. Он показывает в пьесе свои взгляды на советскую семью, свое желание видеть нашу жизнь еще лучше, а людей еще краше.

В «Машеньке», самой популярной афиногеновской пьесе (она дважды шла на рязанской сцене в областном театре), снова сказались все силы его таланта. В этой пьесе нет героических деяний. Все происходит в старомодной квартире профессора. Но Машенька — это сама жизнь, полпред нового мира. В этой юной девочке ярко звучат лучшие черты советских людей — человеколюбие, нравственная чистота, требовательность. «Вы наше счастье, Машенька, — говорит молодой геолог Леонид Кареев. — Вы наполнили наши жизни собой и... они стали чище, лучше, достойнее».

„В МОИХ пьесах только одна цель, — говорил Афиногенов своему другу Х. Херсонскому, — счастье человеческое. Раньше я, бывало, брел ошупью, отдавал дань схемам».

И, действительно, каждая его пьеса — открытый бой. В «Чудаке» — с косными обывателями; в «Страхе» — с жрецами лженауки; в «Салюте, Испания!» — с фашизмом и т. д. Острые драматические столкновения — вот движущие пружины его пьес. А основной пафос — воспевание человека, самоотверженного строителя социализма. Завязывая драму на личных столкновениях, писатель поднимается к большим социальным обобщениям. И личное у него всегда становится общественным.

Важнейшая сторона драматургии Афиногенова — раскрытие душевного мира советского человека. Тончайшим психологическим рисунком отличаются его лучшие образы: Волгина, Кимбаева, Малько, матери, Машеньки и других. Это живые люди во всей полноте и сложности, а иногда и противоречивости своих душевных движений. Психологизм некоторых образов окрашен неповторимо обаятельным и поэтически музыкальным лиризмом. Но это лиризм без сентиментальности, сильный и мужественный, утверждающий новый мир новых людей, способных бороться со всем, что стоит на их пути.

С восторгом писал Афиногенов о том, какими великолепными уроками искусства были для него репетиции спектаклей Художественного театра со Станиславским и вахтанговцев — с Борисом Шуклиным.

Но вот — Отечественная война. И он целиком отдается кипучей деятельности — работает в Совинформбюро, выступает в «Правде» и «Известиях», спланирует вокруг себя писателей. По ночам пишет пьесу «Никаноре», утверждая в самое тяжелое время (враг уже был под Москвой) грядущую победу.

Афиногенов погиб в расцвете сил, не сказав, вероятно, еще главного как художник. Он погиб как писатель-коммунист от вражеской бомбы на боевом посту в здании Центрального Комитета партии 29 октября 1941 года.

Т. ТИХОМИРОВА

7 АПР 1964

Цирюнская пресса
Рязань